

Научная статья

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2025-19-400-439>

<https://elibrary.ru/HSXUGY>

УДК 821.111(73).0+821.161.1P.0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Александра СУРКОВА

АЛЛЕН ГИНЗБЕРГ В ПОИСКАХ СОВЕТСКИХ ДИССИДЕНТОВ

Аннотация: В статье реконструируется история визита ключевой фигуры американского бит-поколения Аллена Гинзберга в Советский Союз в 1965 г. На основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов Иностранной комиссии Союза писателей СССР, личных дневников, писем и интервью поэта исследуются слабо отраженные в официальных отчетах эпизоды его пребывания в Москве и Ленинграде. Анализируется двойственная природа визита, который, с одной стороны, демонстрировал пределы «оттепельной» открытости, а с другой — доказал возможность личного человеческого контакта поверх идеологических барьеров. Исследование позволяет выявить конкретные тактики, использовавшиеся советской стороной для контроля над иностранным гостем, и формы его сопротивления им. Особое внимание уделяется настойчивым попыткам Гинзберга установить контакты с представителями диссидентского движения, в частности с Иосифом Бродским и Александром Есениным-Вольпиным. В приложении публикуются архивные документы, освещающие подготовку и ход визита.

Ключевые слова: Аллен Гинзберг, бит-поколение, советско-американские литературные контакты, диссиденты, оттепель, Иностранная комиссия Союза писателей, Иосиф Бродский, Александр Есенин-Вольпин, архивные материалы.

Информация об авторе: Александра Сергеевна Суркова, младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-5062-261X>. E-mail: alexa_surkova@mail.ru.

Для цитирования: Суркова А.С. Аллен Гинзберг в поисках советских диссидентов // Литература двух Америк. 2025. № 19. С. 400–439. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2025-19-400-439>

Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393 «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке», <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>

Research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2025-19-400-439>

<https://elibrary.ru/HSXUGY>

UDC 821.111(73).0+821.161.1P.0

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Aleksandra SURKOVA

ALLEN GINSBERG IN SEARCH OF SOVIET DISSIDENTS

Abstract: The article reconstructs the history of the 1965 visit to the Soviet Union by Allen Ginsberg, a key figure of the American Beat Generation. Using archival materials from the Foreign Commission of the USSR Union of Writers introduced into scholarly discourse for the first time, alongside the poet's personal diaries, letters, and interviews, the study examines episodes of his stay in Moscow and Leningrad that were poorly reflected in official reports. The analysis focuses on the dual nature of the visit, which, on the one hand, demonstrated the limits of the “Khrushchev thaw”-era openness, and on the other, proved the possibility of personal human contact transcending ideological barriers. The research identifies specific tactics used by the Soviet side to control the foreign guest and the ways he was opposing. Particular attention is paid to Ginsberg's persistent attempts to establish contacts with representatives of the dissident movement, specifically Joseph Brodsky and Alexander Esenin-Volpin. The appendix publishes archival documents illuminating the preparation and conduct of the visit.

Keywords: Allen Ginsberg, Beat Generation, Soviet-American literary contacts, dissidents, Thaw, Foreign Commission of the USSR Union of Writers, Joseph Brodsky, Alexander Esenin-Volpin, archival materials.

Information about the author: Aleksandra S. Surkova, Junior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya st., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-5062-261X>. E-mail: alexa_surkova@mail.ru.

For citation: Surkova, Aleksandra. “Allen Ginsberg in Search of Soviet Dissidents.” *Literature of the Americas*, no. 19 (2025): 400–439. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2025-19-400-439>

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and was financially supported by the Russian Scientific Fund, grant no. 23-18-00393 “Russia and the West viewing each other: Literature at the intersection of culture and politics, XX century”, <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>.

Пребывание Аллена Гинзберга (1926–1997), ключевой фигуры американского бит-поколения, в Советском Союзе в 1965 г. стало эпизодом, показательным с точки зрения истории культурных контактов эпохи «оттепели». Несмотря на то что непосредственно поездкам и связям поэта с советскими коллегами на сегодняшний день посвящено крайне мало специальных исследований, общая тенденция к изучению межкультурных литературных связей набирает обороты¹. Архивные материалы Иностранной комиссии Союза писателей СССР (фонд 631 РГАЛИ) позволяют реконструировать как подготовку визита, так и его реализацию, а личные воспоминания Гинзберга о поездке в Москву и Ленинград, изложенные в путевом дневнике², письмах и интервью, проливают свет на характер не задокументированных советской стороной личных бесед и встреч с поэтами-шестидесятниками, а также советскими диссидентами. Гинзберг подробно описывает содержание разговоров с писателями, пересказывает свои сны, размышляет о свободе слова и записывает вдохновленные прогулками по Москве и Ленинграду стихи.

Аллен Гинзберг на Красной площади

Интерес к России зародился у Гинзберга еще в детстве: родители Гинзберга имели русские корни, а матери в свое время пришлось бежать из Невеля (нынешняя Псковская область) от еврейских погромов, благодаря чему она оказалась в Соединенных Штатах. О себе Гинзберг говорит: «В глубине души я русский поэт, заброшенный в американские декорации» [Lauridsen, Dalgard 1990: 28]. В СССР у него оставались род-

¹ См., например, цикл статей участников проекта «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке» (грант РНФ № 23-18-00393): <http://www.litcontact.ru/publikatsii-uchastnikov>

² Ginsberg, Allen. *Iron Curtain Journals: January–May 1965*, ed. by M. Shumacher. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2018. Далее ссылки на это изд. даны в тексте в скобках с пометой «ICJ» и указанием страниц.

ственники по материнской линии — семья двоюродного брата Джо Леви. Именно под предлогом визита к кузену Гинзберг впоследствии не раз избавлялся от навязчивого внимания своих московских сопровождающих и посвящал время одиноким прогулкам по столице или проведению собственных расследований.

Гинзберг высоко ценил русскую литературу, особенно Ф.М. Достоевского, В.В. Маяковского, С.А. Есенина. В одном из поздних интервью поэт признается:

Мы имитировали старую традицию русского авангарда — Есенина, Маяковского. Мы слушали их записи. В 1965 году Евтушенко подарил мне диск с записями Маяковского, который я до сих пор храню. Русская классика конца XIX века тоже оказала большое влияние на писателей бит-поколения. В 13 лет я прочитал всего Достоевского, Керуак и Берроуз позднее сделали то же самое. Кроме этого, я читал переводы Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока³.

С некоторыми современниками — Евгением Евтушенко и Андреем Вознесенским — Гинзберг «познакомился» за несколько лет до своего визита в СССР. В письме Е. Романовой от 8 апреля 1961 г. упоминается о планирующей поездке в Соединенные Штаты группы советских писателей, в числе которых будет «известный молодой поэт (ему 27 или 28 лет) Евгений Евтушенко»⁴. В тот момент Гинзберг был не в Америке, и встреча не состоялась. Однако вскоре битник познакомился с поэзией своих советских коллег и остался под большим впечатлением. В письме Грегори Корсо от 5 мая 1963 г. он пишет:

Грегори, эти русские поэты, вероятно, — наши братья, а Вознесенский, бьюсь об заклад, великий молодой поэт. [...] Разве это не здорово, что в России есть целый непохожий ни на какой другой мир поэтов? [...] На прошлой неделе я написал Елене Романовой, члену Союза писателей, и известному романисту Симонову, что Ев [Евтушенко] и Воз [Вознесенский] обратили меня в марксизм — настолько они хорошие пропагандисты. Не такие ужасные пропагандисты, которых

³ *Могутин Я.* Интервью с Алленом Гинзбергом // Kolonna Publications, 1995. <http://kolonna.mitin.com/people/mogutin/ginsberg.shtml>

⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4113. Л. 3. Перевод здесь и далее мой. — А.С.

мы читаем в СМИ вроде *Time* или в газете «Правда». Если эти милые юные гении — марксисты, я куплюсь на это⁵.

Переписка с заместителем председателя Иностранной комиссии Еленой Романовой завязалась у Гинзберга в конце 1960-го или в начале 1961 г., после того как у них состоялась личная встреча в Нью-Йорке. В архиве сохранились только письма Романовой, но из них можно реконструировать ход некоторых событий. Выясняется, что первоначально Гинзберг рассматривал возможность посетить СССР еще в 1961 г., по пути в Индию, однако этим планам не суждено было сбыться.

Романова выступала связующим звеном, обсуждая практические вопросы: оформление визы и статус пребывания поэта-битника в Советском Союзе. Она выражала осторожный оптимизм, но указывала на сомнения в возможности длительного официального приглашения Гинзберга в СССР:

Сомневаюсь, что Союз писателей сможет принять Вас в качестве своего гостя на сколько-нибудь продолжительный срок, но я сделаю все, что в моих силах, чтобы обеспечить Вам возможность получить советскую визу на несколько дней⁶.

Даже четыре года спустя, несмотря на то что Гинзберг выполнял культурную программу, составленную Иностранной комиссией Союза писателей, первые дни пребывания в Москве и поездку в Ленинград он оплачивал из собственных средств. Письмо от 25 февраля 1965 г., адресованное Романовой, четко обозначает его намерения: приехать «без всякого шума, как турист, на свой собственный счет»⁷, снять жилье вне системы «Интурист», продлить визу при возможности и выяснить наличие гонораров за публикации в СССР⁸. В заклю-

⁵ *The Letters of Allen Ginsberg*, ed. by B. Morgan. Boston: Da Capo Press, 2008: 281.

⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4113. Л. 1.

⁷ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4261. Л. 3.

⁸ В отчетах о пребывании поэта в СССР и в единственной газетной заметке о его приезде (Наши гости // Литературная газета. 1965. 13 апреля. С. 4.) неоднократно упоминается, что «отдельные стихи А. Гинзберга публиковались в нашей периодической печати». Однако до его приезда в 1965 г. известен всего один случай, когда произведение битника попало на страницы советской литературной периодики: в 1961 г. в подборке американской поэзии

чение он заверял: «Не беспокойтесь, пожалуйста, что я учиню в Москве какой-либо скандал». Последнее уточнение объясняется тем, что скандал с участием Гинзберга действительно произошел незадолго до написания упомянутого письма, — во время поездки на Кубу⁹ — и теперь поэт стремился вести себя по возможности осторожно.

О намерении вести себя в Москве скромно Гинзберг пишет и в письме Г. Корсо¹⁰:

[...] я думаю поехать туда тихо, как турист, не устраивать громких чтений или публичных выступлений, а проскользнуть незаметно, посмотреть на поэтов и достопримечательности и объяснить Блейка. Давай поедem в Москву, если нам позволят, в канун Нового года и Пасхи, — да, Пасхи в Москве. Большие симфонии и балеты, и луковичные главки, и красивые русские поэты, и много девушек, и мы будем милы со всеми, и не будет никакого официоза¹¹.

Гинзберг прибыл в СССР 20 марта 1965 г. в рамках своего импровизированного тура по Кубе и странам социалистического лагеря — Чехословакии и Польше. Изначально срок его пребывания был ограничен четырьмя днями, после чего по его просьбе Союз писателей продлил его нахождение в стране в качестве своего гостя до 5 апреля, а из-за бюрократических проволочек — затянулся процесс оформления виз в посольствах ПНР и ЧССР — американский поэт задержался в России до 7 апреля. Таким образом, он действительно смог застать православную Пасху в Москве (в 1965 г. она пришлось на 5 апреля), но в его дневнике мы не находим каких-либо упоминаний этого события.

В поисках обхода официальной программы

Во время пребывания в СССР Гинзберг встречался с Е. Евтушенко, В. Аксеновым, Б. Ахмадуллиной, К. Симоновым, А. Вознесен-

в журнале «Иностранная литература» был опубликован «Рынок в Калифорнии» (“A Supermarket in California”, 1955).

⁹ См. о поездке Гинзберга на Кубу: Ginsberg, Allen. *Iron Curtain Journals*: 7–158.

¹⁰ Грегори Корсо (1930–2001) — американский поэт и художник, представитель бит-поколения.

¹¹ *The Letters of Allen Ginsberg*: 282.

ским, Л. Брик, М. Алигер, Е. Винокуровым, А. Сергеевым — дружба с некоторыми из них продлилась до самой смерти американского поэта. При этом сами поэты и художники, их образ мыслей и жизнь интересовали его гораздо больше, чем поэтика и эстетика их произведений, понять и оценить которые из-за языкового барьера не представлялось возможным. Удивляла Гинзберга та роль, которую поэзия играла в России, и тот статус, который отводился поэтам. Евгений Евтушенко в одной из их бесед упомянул, что однажды выступал с чтением своих стихов перед аудиторией в 14 000 человек и, пройдя ряд цензурных правок, был опубликован в журнале с миллионным тиражом. Для Гинзберга, как и для любого американского поэта, эти цифры были немыслимы — такое почитание поэзии никогда не приживалось в Америке. Когда же он пытался жаловаться на цензуру в США, его советские коллеги лишь сочувственно улыбались и говорили: «О, вы живете в раю!» (ICJ: 226).

Было место в его дневнике и восхищению:

Я думал, что метро — это миф, и здесь есть только одна или две великолепные станции, но все станции были похожи на просторные чистые — действительно чистые — дворцы, подобно гигантским гостиничным туалетам из мрамора, настоящий XIX–XX-й век. Русский стиль. Прекрасно (ICJ: 183).

И описанию забавных ситуаций:

Подъем в отель — туалетной бумаги нет, я попытался сказать об этом горничной, и через несколько минут в туалете появился слесарь с огромным гаечным ключом, растерянно озираясь по сторонам (ICJ: 195).

И ироничным замечаниям:

Здесь же была статуя князя¹². «Как мудро он поступил, что основал Москву возле хорошего заведения!» — его статуя находится рядом с грузинским рестораном¹³.

¹² Вероятно, речь идет о памятнике князю Юрию Долгорукому на Тверской площади в Москве.

¹³ Первый советский ресторан грузинской кухни «Арагви».

Василий Аксенов, Евгений Евтушенко, Аллен Гинзберг, Роберт Рождественский

По возвращении в Москву после двухдневной поездки в Ленинград Гинзберга из разряда самостоятельного путешественника перевели в категорию культурного гостя СССР и переселили из гостиницы «Минск», где он жил за свой счет, в более презентабельный «Бухарест»¹⁴, с видом на Красную площадь. После поездки в северную столицу американский поэт захотел скорректировать программу своего пребывания в СССР — попросил включить в нее визит в психиатрическую клинику, где он смог бы пообщаться с врачами и пациентами.

Просьба его, скорее всего, не была удовлетворена: несмотря на то что в одном из планов пребывания Гинзберга в СССР на 2 апреля было назначено посещение Института психологии, в его дневниковых записях об этом не говорится ни слова, зато в тот день подробно описывается поездка на автозавод и общение с группой местного литературного клуба. Интерес к посещению такого «нетуристического» места, как психлечебница, объясним: в советское время диссидентов нередко по чисто политическим причинам объявляли психически больными. Среди тех, кого госпитализировали по причине невменя-

¹⁴ Ныне — отель «Балчуг Kempinski Москва» (ул. Балчуг, 1).

емости, были поэты, с которыми Гинзберг общался во время своего путешествия по Советскому Союзу: Иосиф Бродский, Александр Есенин-Вольпин и Белла Ахмадулина. На двойные стандарты в этом отношении указывает Г.М. Данделис:

В то время как советские чиновники манипулировали психиатрической службой, чтобы заставить замолчать диссидентские поэтические голоса, они же публиковали работы Аллена Гинзберга, чье открытое изображение нетрадиционных отношений способствовало его госпитализации в психиатрическую клинику, электрошоковой терапии и судебному процессу о непристойности, целью которого была попытка предотвратить распространение сборника «Вопль и другие стихотворения» (*Howl and Other Poems*) в Соединенных Штатах [Dandeleles 2017: 49].

Гинзберг, вероятно, был наслышан о практике заключения в психиатрические лечебницы советских диссидентов и стремился взглянуть на это своими глазами. Кроме того, у этого желания могло быть и личное измерение — мать Гинзберга, Наоми, страдала шизофренией и провела в психиатрических клиниках большую часть юности Аллена.

По советской традиции приема иностранных писателей к Гинзбергу была приставлена сопровождающая, Нина Боровская, переводчик, Алексей Симонов (“Alyosha”) а также для него была составлена обширная культурная программа, от выполнения которой он периодически уклонялся. Неоднократно с ним проводились «воспитательные беседы»: представители Иностранной комиссии Союза писателей стремились прояснить характер культурной жизни и общественных устоев, принятых в советском обществе. В отчетах сопровождающих изложены лишь некоторые из подобных эпизодов, причем 39-летний нонконформист Гинзберг после таких бесед неизменно раскаивался и выражал готовность в будущем точно следовать утвержденному плану мероприятий. Реальные впечатления Гинзберга и более подробное содержание таких разговоров нашли отражение в его дневнике.

Американский поэт регулярно нарушал обещание не обсуждать свой образ жизни с советскими людьми — например, во время встречи со студентами (участниками театральной студии

гуманитарных факультетов), проходившей в культурном клубе МГУ. В отчете сопровождающей Н. Боровской кратко сказано, что встреча была посвящена вопросам художественного творчества, однако Гинзберг «откровенно высказывал свои анархические и индивидуалистические воззрения, вызвавшие критическое отношение аудитории»¹⁵. Более подробно об этом эпизоде пишет сам поэт в дневнике:

Затем несколько часов я провел в кружке студенческой драматической самодеятельности в гуманитарном корпусе университета¹⁶ — читал «Волшебный псалом» (“Magic Psalm”) и «Ответ» (“The Reply”), объяснял стихи и несколько часов говорил, отвечая на вопросы в таком роде: «Ответ, мой друг, теряется в ветре, ответ теряется в ветре...»¹⁷. Объяснял авангардные фильмы, проблемы сознания, говорил о наркотиках, о композиции спонтанной поэзии, об истории появления «битников» и о том, что Керуак — гений. Они все хотят знать, что я думаю об Эдварде Олби¹⁸ и «Кентавре»¹⁹ — и Миллере²⁰ — я равнодушен, мне все равно, и я говорю, что не читаю их сочинения (ICJ: 221).

В поисках Бродского

Поэт проявлял живой интерес к голосам диссидентов и надеялся, что поездка в Советский Союз даст ему возможность познако-

¹⁵ РГАЛИ. Ф.631. Оп. 26. Ед. хр. 4246. Л. 2.

¹⁶ Нынешний Первый гуманитарный корпус МГУ был построен только в 1971 г., до этого гуманитарные факультеты (например, филологический) располагались по адресу ул. Моховая, 11. Неизвестно, в этом ли корпусе произошла встреча студентов с Гинзбергом, или же в Главном здании (Ленинские горы, 1).

¹⁷ Гинзберг перефразирует невероятно популярную в то время песню Боба Дилана “Blowin’ in the Wind” (1962): “The answer, my friend, is blowin’ in the wind // The answer is blowin’ in the wind.”

¹⁸ Эдвард Олби (1928–2016) — американский драматург.

¹⁹ *The Centaur* (1963) — роман Джона Апдайка. Публиковался в 1965 г. в № 1–2 журнала «Иностранная литература». Осенью 1964 г. Апдайк также посетил Советский Союз и встречался со студентами МГУ. См., например: Стояновская Е. Беседа с автором «Кентавра» // Иностранная литература. 1965. № 1. С. 255–258.

²⁰ Генри Миллер (1891–1980) — американский писатель, автор скандальных для своего времени романов.

миться с некоторыми из них, а также прольет свет на дело Иосифа Бродского, который за год до приезда Гинзберга в Москву, после сфабрикованных обвинений в тунеядстве и тюремного заключения, был отправлен на поселение в Архангельскую область. Вероятно, американский поэт-битник был хорошо осведомлен об этом деле, так как запись суда над Бродским, сделанная Фридой Вигдоровой, стала документом большого значения не только в России, но и далеко за ее пределами. За несколько месяцев эта запись распространилась в самиздате, попала за рубеж и была опубликована во влиятельных европейских и американских изданиях: *Figaro Litteraire* во Франции, *New Leader* в США, *Encounter* в Великобритании; радиоинсценировку процесса Бродского транслировали в эфире Би-би-си [Лосев 2006: 96–97].

Как литературные функционеры, так и сами советские писатели инструктировали американского коллегу и подчеркивали, что в стране существует ряд тем, опасных и неприемлемых для обсуждения: судьба Бродского, нетрадиционные отношения, наркотические вещества, критика советского строя и т. д. Аргументировалось такое ограничение свободы слова исторической травмой (Фрида Лурье во время одной из первых встреч с американским гостем говорит: «...у нас есть опыт войны, и мы привыкли жить по-другому, так что о некоторых вещах лучше не говорить, особенно журналистам — люди не поймут» (ICJ: 176)) и особенностями советского человека, который также «не поймет» западной откровенности (во время обсуждения творчества Генри Миллера Лурье призналась, что не смогла дочитать его книгу: «русские люди не заинтересовались бы такой вещью» (ICJ: 176)).

Евтушенко (“Yev”), с которым Гинзберг проводил много времени как на официальных приемах, так и в более непринужденной обстановке, пресекает любые попытки американского поэта узнать о судьбе Бродского:

Не спрашивайте о Бродском, мы все знаем, в чем заключается его дело — 17 марта он должен был идти на новый суд — он все еще в исправительном лагере — да, не на свободе — но быть может, со дня на день... мы все работаем над этим — и если вы будете расспрашивать, это только ухудшит дело — как, например, если бы я приехал в США и начал толкать речи о положении негров в Алабаме (ICJ: 192–193).

Суд над Иосифом Бродским

Перед поездкой в Ленинград Гинзберг упоминает очередную «установочную» беседу с Фридой Лурье, в которой она предупреждает, чтобы он «не делал из Бродского большой проблемы»; однако битник этим предостережением пренебрег. Если в Москве Гинзберг просто упоминал Бродского в беседах и вежливо интересовался его судьбой, то приехав в Ленинград он начал действовать более решительно.

Американский поэт попросил свою сопровождающую Нину Боровскую устроить ему встречу или дать возможность связаться с Бродским — как он пишет, «разумеется, без скандала, так как Лурье и Евтушенко оба предупредили, что это будет истолковано как “провокация”, если я продолжу эту тему». 26 марта на вечере поэзии в клубе им. Володарского Боровская отвела председателя в сторону и задала ему вопрос о Бродском, «он поднял голову, как будто все было нормально, и спросил у немногих присутствующих, знают ли они что-нибудь — все ответили, что “не знают, где он... беда в том, что трудно узнать, нет публичного протокола суда...”» (ICJ: 205).

Владимир Дмитриевич Савицкий пообещал позвонить Гинзбергу на следующий день, но не сделал этого, как и «более молодой поэт с лицом, сожженным в танке на войне» (речь о Сергее Сергеевиче Орлове, поэте и сценаристе).

Оказалось, что он [Савицкий. — А.С.] позвонил в день нашего отъезда, а вечером сообщил, что ни о Бродском, ни о его адресе ничего не из-

Иосиф Бродский в ссылке на поселении в Архангельской области, 1965 г.

вестно. Никто не знает, в каком суде и как связаться с его друзьями, да и не может в такой короткий срок... Выходило, что никто не знал Бродского лично (ICJ: 205).

В поезде на Москву Гинзберг пишет в дневнике: «Я только что покинул этот город огромных проспектов, каналов, дворцов, мостов — и никаких Бродских — только Эрмитажи» (ICJ: 209).

Гинзберг отмечает, что внимание к Бродскому на Западе было значительно выше, чем в Ленинграде. Его собственный интерес к советскому диссиденту был, конечно, в первую очередь политическим — в дневнике он упоминает и описывает лишь одно прочитанное им произведение Бродского, и дает ему такую характеристику:

Я читал один его стих, неплохой, про черного всадника, и поэт спрашивает, кто может быть героическим всадником? И называет несколько советских нынешних героев, но не может найти ни одного достаточно великого, чтобы быть всадником... скорее апокалиптическое стихотворение... (ICJ: 205).

В дальнейшем Гинзберг не проявлял заинтересованности к делу и к судьбе Бродского. Любопытным артефактом, однако, является экземпляр сборника «Вопль и другие стихотворения» с дарственной надписью Гинзберга, обнаруженный в личной библиотеке Иосифа Бродского. Этот факт, при отсутствии документальных свидетельств об их личной встрече, позволяет предполагать, что прямой или опосредованный контакт между поэтами мог состояться позднее, уже после отъезда Бродского из СССР. Тем не менее в рамках рассматриваемого визита 1965 г. интерес Гинзберга к судьбе советского поэта, оказался весьма поверхностным и не получил существенного развития.

В поисках Есенина-Вольпина

В другом расследовании Гинзберг смог добиться успеха. В одной из бесед в Союзе писателей американскому поэту было сказано, что, если он стремится познакомиться с жизнью, культурой и искусством советских людей, «Союз писателей готов оказать ему всемерное воздействие. Стремление же к встречам с людьми, имена которых пользуются в США дурно пахнущей политической “славой”, будет уводить его от основной задачи знакомства с советской культурой, бессмысленного вмешательства в сферы, весьма далекие от искусства»²¹. На словах Гинзберг согласился, однако, как показали его дальнейшие действия, не отказался от осуществления идеи установить личные контакты с этими людьми.

При всей строгости, с которой Евтушенко отказывался говорить с Гинзбергом на «запрещенные» темы, он все же поддался на уговоры американского коллеги и помог ему достать номер телефона «Алекса Г.» (“Alex G.”) — советского диссидента, поэта и правозащитника Александра Гинзбурга²². Евтушенко просит сохранить это в тайне: «Не говори Фриде, кто дал тебе этот номер телефона — об этом не следует вообще никому рассказывать — Алекс Г. сидел в тюрьме

²¹ РГАЛИ. Ф.631. Оп. 26. Ед. хр. 4246. Л. 7.

²² Александр Ильич Гинзбург (1936–2002) — поэт, журналист и издатель, участник советского правозащитного движения. С 1961 по 1969 гг. трижды был приговорен к ссылке в исправительно-трудовые лагеря. В 1959 г. Гинзбург совместно с Юрием Галансковым выпустил первый в СССР самиздатский литературный журнал «Феникс», был одним из основателей поэтического альманаха «Синтаксис».

два года — он только недавно вышел, в 62-м, — лучше вообще не упоминай об этом Фриде» (ICJ: 228).

О судьбе Гинзбурга Гинзберг справлялся еще в 1961 г.: в письме-ответе Елены Романовой достаточно кратко сказано, что ей не удалось найти никакой информации об «Алеке»:

Я приложила все усилия, чтобы разузнать что-нибудь о том парне, о котором Вы меня несколько раз спрашивали. Узнала немного, но все же выяснила, что Алек был не столько поэтом как

Александр Ильич Гинзбург (1936–2002)

таковым, сколько обычным студентом: кажется, он организовывал поэтические чтения и тому подобное. Я расспросила кое-кого из наших молодых поэтов о том, что это была за поэзия, но их отзывы звучали неутешительно. Если и когда узнаю что-то еще — дам Вам знать²³.

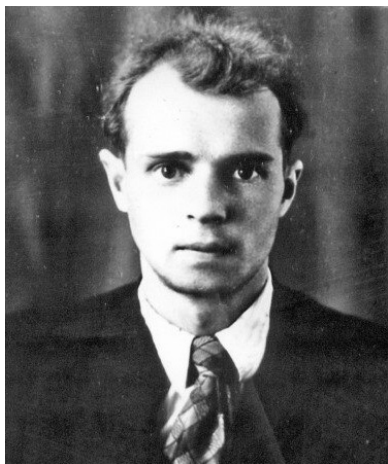
В дневниковой записи от 4 апреля Гинзберг упоминает о неудавшейся попытке дозвониться до советского диссидента, однако тогда он не смог разобраться в почерке и набрать правильный номер телефона. Он обратился за помощью к Алексею Симонову, который резко изменился в лице, увидев имя «Алекс Г.»:

«Я не хочу иметь ничего общего с этим человеком» — «А что с ним не так?» — «Вы знаете все наши скандалы и не знаете этого?» — рассмеялся он.

Кажется, А. Г. вел подпольный журнал — вопреки закону — печатал Есенина-Вольпина и другие стихи, стихи Сийского²⁴ против Сталина — («В те дни мы жили под Богом») — писал «грязные»

²³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4113. Л. 3.

²⁴ Возможно, имеются в виду стихи Андрея Донатовича Синявского.

Александр Сергеевич Есенин-Вольпин
(1924–2016)

вещи — так Алеша слышал, но никогда не видел журнала 1958 года? — Вызван на суд, обвинил писателей, чьи произведения он публиковал без их разрешения — «грязные» [sic] — «Он был в тюрьме?» — «Не знаю, я встречал его раз или два, а когда узнал его имя, то избегал его» (ICJ: 238).

За день до отъезда из СССР Гинзберг смог дозвониться до «Алекса», и тот помог ему организовать встречу с Александром Есениным-Вольпиным²⁵.

Математик, логик, поэт и сын Сергея Есенина мог заинтересовать Гинзберга вышедшим в 1961 г. одновременно на русском и на английском языках «Свободным философским трактатом»²⁶, в заключении к которому автор афористично написал: «В России нет свободы печати — но кто скажет, что в ней нет свободы мысли?»²⁷. Привлекала Гинзберга и возможность узнать о системе наказания инакомыслия — к весне 1965 г. Есенин-Вольпин был заключенным тюрем и пациентом психиатрических больниц по всему Советскому Союзу не менее десяти раз²⁸.

Три поэта встретились 7 апреля в районе станции Маяковская — провели некоторое время, прогуливаясь по холлу Концертного зала им. П.И. Чайковского, а затем отправились домой к Александру Гинзбургу, где обсуждали поэзию битников и репрессии, делились творческими планами. Об этом дне Гинзберг пишет в письме чилийскому поэту Никанору Парре:

²⁵ Александр Сергеевич Есенин-Вольпин (1924–2016) — математик, поэт, сын Сергея Есенина. За стихи, якобы содержащие «антисоветскую агитацию и пропаганду», был признан невменяемым и помещен на принудительное лечение в Ленинградскую специальную психиатрическую больницу.

²⁶ Esenin-Volpin, Aleksandr S. *A Leaf of Spring*. New York: Praeger, 1961.

²⁷ Есенин-Вольпин А.С. Философия. Логика. Поэзия. Защита прав человека: Избранное / сост. А.Ю. Даниэль, С.М. Лукашевский, В.К. Финн. М.: РГГУ, 1999. С. 15.

²⁸ Там же. С. 9–10.

[...] в тот самый последний день мне удалось связаться и познакомиться с [Александром] Есениным-Вольпиным. Я провел весь день у него дома, беседуя о философии права, отношениях личности и государства. Он работает над большим проектом по определению социалистической законности, поскольку его посадили в психбольницу за жалобы на обращение с ним полиции. Его признание вменяемости зависело от того, подпишет ли он заявление о том, что полиция обходилась с ним жестоко. У него прекрасное чувство юмора и человеческий склад ума — на самом деле, из-за его положения как члена Союза писателей, отвергнутого Союзом писателей, его чувство социального юмора и реальности намного острее, чем у кого-либо другого — по крайней мере, по меркам моего сердца²⁹.

Обман Гинзберга, сообщившего своим сопровождающим, что он проведет этот день в обществе родственников, был раскрыт: перед отъездом Есенин-Вольпин посетил его в гостинице и столкнулся с сопровождающей Гинзберга, Ниной Боровской. Об этом инциденте она упоминала в своем отчете:

В Москве А. Гинзберг настойчиво стремился связаться с А. Есениным-Вольпиным, ему удалось сделать это (А. Гинзберг неизвестно откуда достал телефон одного из знакомых Есенина-Вольпина и через него договорился о встрече с Есениным-Вольпиным). А. Гинзберг обманным путем в день отъезда заявил, что идет навестить родственников, а сам отправился для встречи с Есениным-Вольпиным. В тот же день вечером, накануне отъезда, А. Гинзберг признался сопровождающей, что эта ложь тяжким грузом ляжет на его совести, что он беседовал с Есениным-Вольпиным исключительно по вопросам формальной логики и что ему очень не хотелось, чтобы эта встреча отрицательно повлияла на решение вопроса о его вторичном приезде в СССР³⁰.

Вечером Есенин-Вольпин пришел на вокзал попрощаться с Гинзбергом, шокировав своим появлением остальных провожающих — Аксенова, Евтушенко и «пару других пьющих водку друзей» (ICJ: 251). В письме, которое он позже отправил Фриде Лурье Гинзберг,

²⁹ *The Letters of Allen Ginsberg*: 303.

³⁰ РГАЛИ. Ф.631. Оп. 26. Ед. хр. 4246. Л. 5.

вероятно, испытывая чувство вины, благодарит ее за теплый прием и старается оправдать своего новоприобретенного друга:

К счастью, в последний день моего пребывания в Москве мне удалось встретиться с Есениным-Вольпиным. Он очень умен и вовсе не сумасшедший или «психически неуравновешенный». Он очень приятный, хороший человек, занимающийся в основном проблемами элементарной логики на профессиональном уровне³¹.

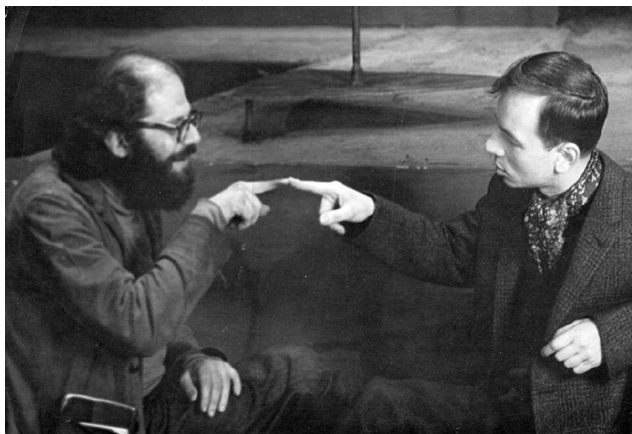
Гинзберг высказывал желание приехать в СССР на более длительный срок (до полугода) вместе со своим другом Питером Орловски и обсуждал возможности осуществления этой идеи в Союзе писателей. Поездку, только одиночную и на более короткий срок, удалось осуществить лишь через 20 лет³².

Путешествие Аллена Гинзберга в Советский Союз в 1965 г., несмотря на кратковременность и ряд ограничений, стало важной вехой в истории советско-американских отношений. Этот эпизод наглядно продемонстрировал пределы «оттепельной» открытости, которые особенно явственно проступили в ситуации контакта с фигурой американского битника-нонконформиста, олицетворявшей радикальную культурную инаковость. Если официальная программа визита была призвана инкорпорировать иностранного гостя в поле советского культурного канона, то собственные поиски Гинзберга — исследование судьбы Бродского (пусть и неудавшееся), встречи с Есениным-Вольпиным и Александром Гинзбургом — были направлены на обнаружение маргинальных и подавляемых голосов.

Тактики, которые использовал Гинзберг для обхода официальной программы — от безобидного предлога визита к родственникам до прямого обмана сопровождающих — раскрывают его (в противовес многим другим гостям Советского Союза, практически во всем подчинявшимся официальной программе) как активного и пытливого

³¹ РГАЛИ. Ф.631. Оп. 26. Ед. хр. 4261. Л. 1. В дальнейшем судьба Есенина-Вольпина складывалась драматически: до конца существования Советского Союза его в разные годы арестовывали, помещали в психиатрические лечебницы и, наконец, в 1972 г. принудили эмигрировать в США.

³² Этому визиту, а также многочисленным встречам американского битника с поэтами-шестидесятниками по всему миру (США, Мексика, Италия, Австралия) будет посвящена вторая часть данной статьи.

Аллен Гинзберг
и Андрей
Вознесенский

визитера. Его настойчивость в поисках контакта с диссидентами, несмотря на многочисленные предупреждения, указывает на то, что для него этот визит был не просто туристической поездкой, а своеобразной формой культурно-политического расследования. Однако его интерес к судьбе Бродского, как это ни парадоксально, оказался поверхностным и скорее политическим, чем глубоко литературным.

Несмотря на все ограничения и неудачи, этот визит доказал возможность личного человеческого и творческого контакта в обход идеологических барьеров. Установившиеся связи Гинзберга с Евтушенко, Вознесенским и другими «шестидесятниками» оказались прочными и с годами переросли в настоящую дружбу. Последующий визит Гинзберга в СССР в 1985 г. и их совместные выступления по всему миру стали живым воплощением того диалога, который был начат еще во время этой короткой, но насыщенной поездки 1965 г.

ЛИТЕРАТУРА

Лосев 2006 — Лосев Л.В. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2006.

REFERENCES

Dandele 2017 — Dandele, Gregory. “Avant-Gardes at the Iron Curtain: A Transnational Reading of Allen Ginsberg and the Soviet Estradny Movement.” PhD diss., University of Michigan, 2017.

Lauridsen, Dalgard 1990 — Lauridsen, Inger Thorup and Per Dalgard. *The Beat Generation and the Russian New Wave*. Ann Arbor: Ardis, 1990.

Losev 2006 — Losev, Lev. *Iosif Brodskii: Opyt literaturnoi biografii* [Iosif Brodsky: *A Literary Biography*]. Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 2006. (In Russ.)

© 2025 А.С. Суркова

Дата поступления в редакцию: 15.09.2025

Дата одобрения рецензентами: 27.10.2025

Дата публикации: 25.12.2025

© 2025 Aleksandra S. Surkova

Received: 15 Sept. 2025

Approved after reviewing: 27 Oct. 2025

Date of publication: 25 Dec. 2025

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. Переписка Аллена Гинзберга с Еленой Романовой

1

Елена Романова¹ — Аллену Гинзбергу

28 января 1961 г.

Здравствуйте, Аллен,

Почта работает как надо, и Ваши письма пришли вместе со всей остальной корреспонденцией из Штатов. Авиапочте требуется около 8-10 дней, чтобы пересечь океан и оказаться у меня в руках. Книги, о которых Вы беспокоитесь (и которые я сама жду с таким нетерпением), еще не пришли. Прежде чем я получила Ваше письмо, я спросила у него², забрал ли он их из отеля и отправил ли мне. Пока ответа от него нет, но я жду его в ближайшие пару дней. Однако тот факт, что книги, которые я сама отправила из Нью-Йорка 10 декабря, до сих пор не пришли, заставляет меня быть терпеливой и не волноваться насчет этих более поздних отправлений.

Если бы Вы сообщили мне точнее, когда начинается Ваша поездка в Индию и когда Вы хотели бы «нанести визит» сюда, мне было бы легче подготовить для этого почву. Сомневаюсь, что Союз писателей сможет принять Вас в качестве своего гостя на сколько-нибудь продолжительный срок, но я сделаю все возможное, чтобы обеспечить Вам возможность получить советскую визу на несколько дней, а уже на месте будет легче устроить так, чтобы Вы задержались подольше, если Вы захотите.

Я не поняла, что за литературную премию³ Вы получили (какую, за что, как)? Это что-то вроде «официального признания» или

частная попытка сделать вашу поэзию более терпимой для обывателей? Или, наоборот, помощь в том, чтобы она оставалась такой, какая есть? Мне очень интересно узнать подробности.

Всегда Ваша Елена Романова.

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4113. Л. 1. Маш. коп. Документ на англ. яз. Перевод мой.

¹ Елена Сергеевна Романова (1911–1989) — заместитель председателя Иностранной комиссии ССП, переводчик и литературный критик.

² Речь идет о некоем знакомом Е.С. Романовой, забравшем из отеля книги, подаренные ей Гинзбергом, и переправившем их из Америки в СССР. Этот знакомый упоминается также и в начале следующего письма.

³ В 1960 г., опубликовав поэму «Каддиш», Гинзберг подал заявку на премию Гуггенхейма, но в тот раз не получил ее. Эту премию он выиграл в 1965 г.

2

Елена Романова — Аллену Гинзбергу

24 февраля 1961 г.

Дорогой Аллен!

Наконец-то Ваш щедрый книжный подарок попал ко мне в руки. Это что-то! Спасибо! Думаю, пришло еще не все, но это неважно — главное, что их получил в отеле мой знакомый и отправил. Я уже успела пролистать *The Beat Scene*, *The Happy Birthday of Death* Грегори Корсо, *A Form of Women* Роберта Крили, а также книги Филиппа Уэйлена и Гэри Снайдера. Вы не помните, сколько их было всего, чтобы проверить, все ли они пришли?

Кстати, на днях я видела в американской прессе заметку о каком-то словаре битников. Он правда существует? Честно говоря, мне бывает трудно уловить смысл некоторых выражений. Например, я бы так и не поняла, что значит “squares”¹, если бы не ухватила суть из нашего разговора по пути к Бруклинскому мосту.

Что касается наших планов, проще всего приехать как туристу через любое турагентство в Греции или другой стране. Стоимость перелета и прочие расходы будут те же, и никаких визовых сложностей. Но мое предложение такое: Вам и Грегори² стоит также отправить официальное письмо в Союз писателей СССР, как только вы приедете в Европу и хотя бы примерно будете знать, когда хотите нас посетить. Что мы, писатели, можем сделать — так это составить для вас независимую программу пребывания здесь. Писатели обычно недовольны

программами «Интуриста». Не ждите очень быстрого ответа — обсудить вопрос среди членов Правления и принять решение требует времени. Не думаю, что длительный визит этим летом будет разумен, но я считаю, что даже короткая поездка стоит того.

Ненавижу даже саму мысль о том, что Вы приедете сюда, когда меня не будет в Москве. А так получается, что я буду в разъездах по разным местам довольно долго — с марта по сентябрь, лишь с несколькими недельными перерывами между поездками.

Не могли бы Вы спросить Лероя³, если и когда его увидите, получил ли он экземпляры «Советской литературы» и мою поздравительную открытку к праздникам? Потому что я не получила от него ни единого слова, ни обещанных в обмен экземпляров *Yugen*⁴. Очень жалею, что наш разговор с ним был так краток. Я хотела задать ему столько вопросов и обсудить столько вещей, но он пришел, когда я была очень занята и взволнована, так что не смогла сосредоточиться на нашей беседе. Меня очень интересует намерение *Partisan Review* сделать номер, посвященный России, и он, возможно, знает об этом через свою жену⁵. Я не уверена, что у меня есть его точный адрес, поэтому прошу Вас передать ему все это, а также что я жду от него писем.

Маш. коп. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4113. Л. 2. Документ на англ. яз. Перевод мой.

¹ В среде битников уничижительным прозвищем “squares” назывались обыватели, конформисты, «мещане».

² Грегори Корсо (1930–2001) — друг Гинзберга, поэт и художник, ключевая фигура бит-поколения.

³ Лерой Джонс (1934–2014; с 1965 г. — Амири Барака) — афроамериканский поэт, писатель, эссеист и критик, в 1950-е–начале 1960-х гг. один из представителей бит-поколения, затем — крупный деятель Движения за черное искусство.

⁴ *Yugen* — журнал, который выпускали Лерой Джонс и его жена в 1958–1962 гг. В журнале публиковались преимущественно произведения битников.

⁵ Хетти Козн-Джонс (1934–2024) — американская поэтесса, мемуарист, издатель, редактор, преподаватель. В годы своего замужества за Лероем Джонсом (1958–1965) работала редактором в *Partisan Review*.

3

Елена Романова — Аллену Гинзбергу

8 апреля 1961 г.

Дорогой Аллен,

Писать письмо кому-то, кого нет дома, — занятие не слишком вдохновляющее, но я все же хочу сообщить, что получила все Ваши

письма, включая то, что от 3 марта. Спасибо за Ваши хлопоты по знакомству меня с людьми. Я обязательно напишу Дику Сиверу¹. На днях получила большое, очень интересное письмо от Лероя и ответила ему. Получила также № 7 *Yugen* и два номера *The Floating Bear*². И еще одну книгу — от Джона Флеса³, но так и не поняла, кто он такой.

В последнее время я много пишу. В марте в одной московской газете вышла моя статья о театральной жизни в США. Написала несколько эссе о литературной жизни Америки для разных местных периодических изданий. Увы, все это по-русски, так что Вы не сможете прочесть, что я написала (в том числе и о Вас!). Скоро в еженедельнике “Moscow News” выйдет небольшое эссе на английском. Как только оно появится — сразу вышлю Вам экземпляр.

Я приложила все усилия, чтобы разузнать что-нибудь о том парне, о котором Вы меня несколько раз спрашивали. Узнала немного, но все же выяснила, что Алек⁴ был не столько поэтом как таковым, сколько студентом: кажется, он организовывал поэтические чтения и тому подобное. Я расспросила кое-кого из наших молодых поэтов о том, что это была за поэзия, но их отзывы звучали неутешительно. Если и когда узнаю что-то еще — дам Вам знать.

Целая группа писателей едет в следующем месяце в Штаты как туристы. Среди них — известный молодой поэт (ему 27 или 28 лет) Евгений Евтушенко. Жаль, что Вас там не будет. Думаю, встреча с ним была бы интересна вам обоим. Я дам ему адрес Лероя — возможно, они смогут встретиться. Правда, он почти не знает английского, так что как они там поймут друг друга — не представляю.

(Кстати, эссе о его творчестве недавно появилось в *New World Review*).

Жду вестей от Вас из Европы — если Вы уже не там.

С наилучшими пожеланиями, Елена.

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4113. Л. 3. Маш. коп. Документ на англ. яз. Перевод мой. Письмо отправлено на адрес книжного магазина Л. Ферлингетти “City Lights”.

¹ Ричард Сивер (1926–2009) — американский переводчик, редактор, издатель. Сыграл ключевую роль в борьбе с цензурой, помогая публике увидеть произведения таких авторов, как Сэмюэл Беккет, Генри Миллер, Уильям С. Берроуз, Эжен Ионеско, Д.Г. Лоуренс, Джек Керуак, Гарольд Пинтер др.

² *The Floating Bear* — информационный бюллетень, выпускавшийся с 1961 по 1971 гг. под редакцией поэтов-битников Дианы ди Прима и Лероя Джонса. Бюллетень распространялся по почтовым спискам и публиковал новые произведения молодых авторов.

³ Майкл Джон Флес (род. 1936 г.) — американский поэт-битник, редактор, музыкант, промоутер андеграундного кино.

⁴ Речь идет об Александре Гинзбурге. Подробнее — см. статью.

4

Аллен Гинзберг — Елене Романовой

25 февраля 1965 г.

Дорогая Елена,

С Новым годом! Я пробыл месяц на Кубе и сейчас нахожусь в Праге. У меня здесь есть кое-какая работа, связанная с редактурой переводов моих стихов на чешский язык для книги, которая будет издана в будущем году. Я выяснил также, что у меня здесь есть возможность получить гонорар в кронах, сумму достаточную для оплаты проезда поездом до Москвы. Поэтому я рассчитываю провести несколько недель в России. Без всякого шума, как турист, на свой собственный счет. Я просил Пуйманову¹ связаться с Вами. Не могли бы Вы сообщить, нет ли у меня какого-либо гонорара в Москве? Не узнаете ли Вы, какая это сумма? У меня нет большой суммы денег в долларах — но у меня хватит крон, чтобы оплатить тур, может быть, на одну неделю. Нет ли возможности пожить в чем-нибудь доме неделю или две? Я еще не выяснил, какие сложности могут возникнуть при покупке билета (через Институт) в чешской валюте. Главное, что мне хотелось бы выяснить: 1) причитается ли мне какой-либо гонорар в рублях, которые я мог бы тратить в Москве? 2) Могу ли я остановиться где-нибудь помимо Интуриста? 3) Если у меня будет виза сроком на две недели, а визит окажется приятным, смогу ли я продлить мое пребывание еще на несколько недель?

Жду Вашего быстрого ответа сюда, из которого мне стала бы ясна ситуация.

Я в хорошей форме и много работаю. Одновременно посылаю короткие письма Вознесенскому и Евтушенко. Скажите им, пожалуйста, что я собираюсь приехать и был бы рад встретиться с ними и другими поэтами.

Не беспокойтесь, пожалуйста, что я учиню в Москве какой-либо скандал. Я приеду тихо, на свой счет и буду вести себя скромно.

С любовью, как всегда — Аллен Гинзберг

P.S. Питер Орловский в Нью-Йорке. Он шлет Вам свой горячий привет.

Р.Р.С. На днях я впервые услышал голос Есенина в граммофонной записи.

РГАЛИ. Ф.631. Оп. 26. Ед. хр. 4261. Л. 3. Маш. коп. Документ на рус. яз. Оригинал письма отсутствует.

¹ В шапке письма указан адрес «с/о Р. Пуйманова, Союз писателей, Народная 11, Прага, Чехословакия». Сложно понять, о ком здесь идет речь, т.к. не удалось найти чешских литературных деятелей с такой фамилией (чешская писательница Мария Пуйманова (1893–1958) умерла за 7 лет до написания настоящего письма).

II. Материалы о пребывании Аллена Гинзберга в СССР

1

Отчет о пребывании в СССР американского поэта Аллена Гинзберга

апрель 1965 г.

С 20 марта по 6 апреля с.г. по поручению Иностранной комиссии СП СССР работала с американским поэтом А. Гинзбергом. А. Гинзберг приехал в СССР на 4 дня в качестве туриста из ЧССР (где он провел месяц в качестве гостя Союза писателей Чехословакии), после чего по его просьбе Союз писателей СССР продлил его пребывание в СССР в качестве гостя СП СССР до 5 апреля; в связи с оформлением виз в посольствах ПНР и ЧССР срок пребывания А. Гинзберга впоследствии был продлен до 7 апреля.

За время пребывания в СССР, А Гинзберг посетил Москву и Ленинград, осмотрел исторические памятники этих городов, посетил ряд музеев (в том числе и литературных — Маяковского, Достоевского), ознакомился с театральной жизнью, встречался с писателями, поэтами, переводчиками, критиками, специалистами по американской литературе, рабочими, студентами. Встречи А. Гинзберга с активом американистов в ЦДЛ и ИМЛИ, а также с редакцией и авторским активом журнала «Иностранная литература» были посвящены состоянию современной американской литературы. Была организована также встреча А. Гинзберга с рабочими — участниками литобъединения при заводе ЗИЛ. А. Гинзберг познакомился работой литобъединения, стихами его участников, рассказал о себе, читая свои стихи. Беседа А. Гинзберга с группой студентов МГУ — участников театральной студии гуманитарных факультетов, проходившая

в клубе МГУ, была посвящена вопросам художественного творчества. В ходе беседы А. Гинзберг откровенно высказывал свои анархические и индивидуалистические воззрения, вызвавшие критическое отношение аудитории.

Философские и политические взгляды А. Гинзберга не отличаются ни глубиной, ни устойчивостью, его высказывания довольно противоречивы, ибо, по его собственному признанию, он живет чувствами, а не разумом. Однако ряд высказываний Гинзберга заслуживает внимания. Так, сравнивая политический и общественный климат СССР и других стран народной демократии (Польши, Чехословакии), А. Гинзберг подчеркивал большую свободу и демократию последних, большую близость этих стран к западной культуре. По утверждению Гинзберга, экономическая, политическая и культурная жизнь в СССР чрезмерно централизована, что ведет, по его мнению, к отсутствию подлинной свободы слова и свободы личности, в частности, свободы творчества. А. Гинзберг неоднократно декларировал право каждого публиковать все, что он пишет. Подлинный художник, по мнению А. Гинзберга, всегда авангардист, он призван будоражить общество, резко критиковать все его недостатки, поэтому никто не смеет замалчивать его голос, даже в том случае, если художник идет вразрез с официальной политикой правительства.

По своим политическим убеждениям А. Гинзберг — ярко выраженный анархист. Он придает особо важное значение коммуникации индивидуумов, считая, что наш век механизации и высокого развития цивилизации ведет к нивелировке личности, стерилизации сознания, к чисто механическим формам контактов между индивидуумами. Человек лишается возможности обращаться к своему внутреннему миру, он вынужден автоматически следовать официальным установкам общества, утрачивая при этом способность к самовыражению. С целью самосознания и самовыражения А. Гинзберг и его единомышленники обращаются к наркотикам, действие которых, по их мнению, расширяет сферу сознания, к фрейдизму, буддизму, сфере сексуальных оцущений.

По заявлению А. Гинзберга, ему чужды устои буржуазного общества. Он весьма критически относится к «ограниченным и сытым буржуа», высказывается против ряда внешнеполитических акций США. Так, в частности, когда речь заходила о политике США в Южном Вьетнаме, А. Гинзберг, который сам побывал в этой стране, высказался в поддержку борьбы демократического народа: «Я

считаю, что народ Вьетнама не стремился к коммунизму, — сказал он, — но политика США вынудила его стать на сторону коммунистов. Будь я вьетнамцем, при данных обстоятельствах я бы тоже примкнул к коммунистам».

А. Гинзберг заявил также, что он приветствовал кубинскую революцию, хотя активно не выступал в поддержку кубинского народа. А. Гинзберг с большой симпатией отзывался о Кубе, однако утверждал, что там развивается культ личности.

А. Гинзберг высказывался также в поддержку борьбы американских негров и неоднократно подчеркивал, что многие белые юноши и девушки, отправляющиеся на юг страны для участия в освободительном негритянском движении, несут с собой книги его друга и единомышленника Джека Керуака. «Сейчас в США происходит негритянская революция, — заявил А. Гинзберг, — и если она добьется победы, то это во многом изменит политический климат в стране».

Критикуя американский буржуазный строй, А. Гинзберг находит отрицательные стороны и в советском государстве. «Я нахожу положительные и отрицательные стороны и в том и в другом строе», — заявил А. Гинзберг. Он заметил, что, если бы ему пришлось жить в условиях нашей страны, он и здесь находился бы в оппозиции. Гинзберг считает, что нельзя говорить о социализме вообще, так же как нельзя говорить вообще о капитализме: речь может идти лишь о конкретном воплощении строя в разных странах. По убеждению Гинзберга, наибольшей гармонии между обществом и индивидуумом удалось достичь в скандинавском варианте социализма. (Заметим при этом, что А. Гинзберг не был ни в одной из скандинавских стран).

Во время пребывания в СССР А. Гинзберг всячески стремился к установлению широких контактов с советскими литераторами, особенно с молодыми. По своей личной инициативе, он неоднократно встречался с Е. Евтушенко, В. Аксеновым, Б. Ахмадулиной и Л.Ю. Брик. СП СССР организовал для него встречи с К.М. Симоновым, А.А. Вознесенским, М.И. Алигер, Е.М. Винокуровым, А.Я. Сергеевым.

С первых дней пребывания в нашей стране, А. Гинзбергу была предложена четкая программа, рассчитанная на его ознакомление с литературной и культурной жизнью нашей страны. На словах А. Гинзберг с благодарностью принял все мероприятия программы. Однако на практике не раз приходилось сталкиваться с его нежеланием осуществлять эту программу — он предпочитал «неофициальные»

встречи, организованные по собственной инициативе без «официального» сопровождения. Потребовались известные усилия, чтобы обеспечить выполнение утвержденной программы. Были, однако, случаи, когда А. Гинзберг обманывал сотрудников Иностранной комиссии и сопровождающую, утверждая, что идет к родственникам, а вместо этого, как выяснялось впоследствии, встречался с интересующими его людьми.

Проводя широкие исторические параллели между одиночеством непризнанных гениев, самоубийством Есенина и Маяковского и судом над Бродским, А. Гинзберг увидел в этом процессе «расправу толпы над свободой художника», поэтому он настойчиво искал контактов с Бродским, стремясь, по его словам, выразить ему свое сочувствие, «у нас с ним, — говорил Гинзберг, — одна судьба». Ответ Ленинградского отделения СП СССР (на запрос Гинзберга) о том, что дальнейшая судьба Бродского и его местонахождение им не известны, вызвал бурное негодование А. Гинзберга.

В Москве А. Гинзберг настойчиво стремился связаться с А. Есениным-Вольпиным¹, ему удалось сделать это (А. Гинзберг неизвестно откуда достал телефон одного из знакомых Есенина-Вольпина и через него договорился о встрече с Есениным-Вольпиным). А. Гинзберг обманным путем в день отъезда заявил, что идет навестить родственников, а сам отправился для встречи с Есениным-Вольпиным. В тот же день вечером, накануне отъезда, А. Гинзберг признался сопровождающей, что эта ложь тяжким грузом ляжет на его совести, что он беседовал с Есениным-Вольпиным исключительно по вопросам формальной логики и что ему очень не хотелось, чтобы эта встреча отрицательно повлияла на решение вопроса о его вторичном приезде в СССР.

А. Гинзберг неоднократно высказывал стремление приехать в СССР на более длительный срок (около полугода) вместе со своим другом Питером Орловским² и обсуждал возможности осуществления этой идеи в СП СССР (составление антологии советской поэзии на английском языке, обучение в СССР и пр.).

Сопровождающая Н. Боровская.

РГАЛИ. Ф.631. Оп. 26. Ед. хр. 4246. Л. 1–5. Маш. коп. Документ на рус. яз.

¹ Александр Сергеевич Есенин-Вольпин (1924–2016) — математик, поэт, сын Сергея Есенина. Подробнее об этом инциденте — см. статью.

² Питер Орловски (1933–2010) — американский поэт, представитель бит-поколения.

2

Отчет о пребывании в СССР американского поэта**А. Гинзберга**

Основную часть времени пребывания в СССР Аллен Гинзберг посвятил встречам с советскими литераторами, знакомству с литературной и культурной жизнью Москвы и Ленинграда. Именно эту цель преследовала детально разработанная и утвержденная руководством Инокомиссии программа, в соответствии с которой проводилась работа с Гинзбергом.

В беседах с советскими писателями, литературоведами, учеными, рабочими, студентами Гинзберг обнаружил широкую осведомленность в области классического и современного зарубежного искусства. Гинзберг хорошо знаком также с творчеством русских писателей-классиков (Толстой, Достоевский, Чехов), он хорошо знает поэзию Маяковского и Есенина, произведения некоторых молодых советских писателей и поэтов, выходивших в США в переводе на английский язык.

На встречах с советскими литераторами Гинзберг подробно останавливался на проблемах современной американской литературы и искусства, в частности, он сообщил много интересных фактов о современной американской поэзии. В этих беседах получило также освещение его мировоззрение. Отрицая существующий порядок вещей и окружающего его мира, Гинзберг так же, как и многие другие американские писатели его поколения, не находит в жизни положительных идеалов. Отсюда крайний нигилизм, отрицание роли разума, обращение к инстинктивному восприятию действительности, уход в мир абстрактной религии, сферу сексуальных ощущений. Позитивными сторона творчества Гинзберга следует считать выступления против войны и расовой сегрегации. Все это получает яркое эмоциональное выражение в поэзии Аллена Гинзберга, в тех стихах, которые он читал перед советской аудиторией. (Наибольшую известность в США и за их пределами получил небольшой сборник стихов Гинзберга «Вопль»¹ (1955). Стихи Гинзберга включаются в антологию современной американской поэзии и переводятся за рубежом. Несколько стихотворений поэта были опубликованы в нашей периодической печати).

Известный интерес представляет интервью, данное Гинзбергом чешской газете «Литературные новости» №12, 1965 г. (прилага-

ется к отчету²). Здесь получили довольно яркое выражение основные эстетические принципы поэта, его философское кредо.

Несколько замечаний, связанных с пребыванием Гинзберга в СССР.

Из бесед с Гинзбергом в Союзе писателей выяснились его анархические представления, а также выяснились «проблемы», представляющие для него специальный интерес. Имели место случаи, когда Гинзберг пытался уклониться от сопровождающих его лиц и самостоятельно проводить встречи с интересующими его людьми. Отдельного упоминания заслуживает стремление Гинзберга установить личные контакты с Бродским и Вольпиным-Есениным. В одной из бесед в Союзе писателей ему прямо было сказано, что, если он стремится познакомиться с жизнью, культурой и искусством советских людей, Союз писателей готов оказать ему всемерное воздействие. Стремление к встречам с людьми, имена которых пользуются в США дурно пахнущей политической «славой», будет уводить его от основной задачи знакомства с советской культурой, бессмысленного вмешательства в сферы, весьма далекие от искусства. На словах Гинзберг согласился с такой постановкой вопроса. Однако, как показали его дальнейшие действия, он не отказался от осуществления своей идеи установить личные контакты с этими людьми.

Заслуживает внимания и тот факт, что А. Гинзберг по собственной инициативе связался с посольством США в Москве, был приглашен туда на встречу с культаташе, который, по-видимому, соответственно проинформировал Гинзберга и использовал эту встречу для оказания на него враждебного нам влияния. Учитывая, что Гинзберг намерен снова приехать в нашу страну на более продолжительный срок, для чего он рассчитывает получить специальные средства из фонда Гугенгейма, при рассмотрении вопроса о его приезде в СССР и статуте его пребывания в нашей стране следует иметь в виду все вышеизложенные обстоятельства.

Консультант по литературе США Ф. Лурье³.

РГАЛИ. Ф.631. Оп. 26. Ед. хр. 4246. Л. 6–8. Маш. коп. Документ на рус. яз.

¹ “Howl” — поэма А. Гинзберга. Вышла в сборнике *Howl and Other Poems* в 1955 г. в издательстве Л.Ферлингетти “City Lights Books”. Вскоре после издания весь тираж был арестован, а поэма обвинена в непристойности.

² В фондах РГАЛИ это приложение не сохранилось.

³ Фрида Анатольевна Лурье (1921–2001) — переводчик и референт Иностранной комиссии ССП.

3

**Дневник пребывания в СССР американского поэта
Аллена Гинзберга (с 20 марта по 6 апреля 1965 г.)**

20 марта.

13.05 — прибытие с Киевского вокзала.

Встречали: зам. председателя ИК СП СССР Е.С. Романова, сопровождающая Н.Е. Боровская и представитель «Интуриста».

14.30 — обед в ЦДЛ с Е.С. Романовой

Вечер — цирк.

21 марта.

11.00 — экскурсия в Кремль, посещение Мавзолея Ленина.

Вторую половину дня провел у родственников.

22 марта.

11.00 — посещение музея Достоевского.

15.00 — вернисаж в ЦДЛ.

18.00 — обед у К.М. Симонова.

23 марта.

11.00 — обсуждение программы в СП СССР при участии сотрудников Инокомиссии СП СССР И.Ф. Огородниковой, В.С. Коткина, Ф.А. Лурье, Л.И. Цветковой.

13.00 — митинг на Красной площади, посвященный встрече космонавтов.

16.00 — беседа с Е.А. Евтушенко и В. Аксеновым (сопровождал А.К. Симонов).

24 марта.

10.30 — посещение музея им. Пушкина.

14.00 — посещение музея Восточных культур.

Вечер — Театр кукол. «Божественная комедия».

22.00 — встреча с В. Аксеновым у него дома. Присутствовали: А. Гинзберг, В. Аксенов, артист М. Казаков, переводчик А. Нейман, сопровождающая Н.Е. Боровская.

25 марта.

Утро провел у родственников.

16.00 — посещение музея Маяковского (сопровожд. Ф.А. Лурье и Н. Боровская).

Вечер — «Герой нашего времени» в театре драмы и комедии (сопровождает А.Е. Симонов).

23.55 — отъезд в Ленинград.

26 марта.

8.20 — прибытие в Ленинград. Встречал В.Д. Савицкий¹.

10.00 — экскурсия по городу.

12.15 — музей Истории религии.

13.30 — осмотр Петропавловской крепости.

16.00 — встреча в Союзе писателей. Присутствовали: Н. Полякова, В. Торопыгин, С. Орлов, В.Н. Шефнер, В. Савицкий, Д. Поляновский, М. Борисова, сопровождающая Н.Е. Боровская.

20.00 — Вечер поэзии в клубе им. Володарского с участием поэтов Льва Гаврилова, Н. Поляковой, В. Торопыгина, Л. Агеева, А. Сорокина, Н. Яворской, Г. Горбовского, Л. Хаустова.

22.25 — Встреча в домашней обстановке у поэтессы М. Борисовой. Присутствовали: М. Борисова с супругом, молодые ученые-философы (преподаватели Горного института).

27 марта.

11.00 — 18.00 — посещение Эрмитажа.

Вечер — Театр оперы и балета им. Кирова — балет «Легенда о любви».

28 марта.

11.00 — осмотр музеев г. Пушкино.

13.00 — посещение Пескаревского мемориального кладбища.

15.30 — вторичное посещение Эрмитажа.

Вечер — ужин в кафе «Север» (сопровожд. Н. Боровская).

23.55 — отъезд в Москву.

29 марта.

8.15 — прибытие в Москву.

11.00 — присутствовал на спектакле Театра Драмы и Комедии, посвященном творчеству А. Вознесенского, «Антимиры».

14.30 — 17.30 — посещение родственников.

19.00 — концерт в зале им. Чайковского.

21.00 — посещение кафе «Молодежное»² (сопровожд. Н. Боровская).

30 марта.

10.00 — посещение Института им. Гнесиных.

16.00 — встреча с активом писателей, переводчиков, критиков-американистов в ЦДЛ. Посещение Кремлевского Дворца Съездов.
Вечер — Балет «Лауренсия».

31 марта.

10.30 — осмотр Новодевичьего кладбища и монастыря.

14.00 — встреча с переводчиком англо-американской поэзии А. Сергеевым.

19.00 — встреча со студентами-студийцами театрального колледжа при МГУ (клуб МГУ).

1 апреля.

10.30 — получение визы в Польском посольстве.

День провел у родственников.

20.00 — встреча в ЦДЛ с В. Аксеновым, Е. Евтушенко, М. Казаковым и др.

2 апреля.

10.30 — получение визы в посольстве ЧНР.

12.00 — беседа с сотрудниками и авторским активом журнала «Иностранная литература»³.

14.15 — встреча с поэтом Р. Рождественским в домашней обстановке (присут. В. Аксенов, Е. Евтушенко. Сопровожд. Ф. Лурье).

17.00 — встреча с участниками Литобъединения при ЗИЛе (сопровожд. Н. Боровская).

Вечер — балет «Золушка».

3 апреля.

11.00 — встреча с молодыми учеными и профессорами Института мировой литературы в домашней обстановке.

16.00 — встреча с А.А. Вознесенским в домашней обстановке (присут. А. Вознесенской с супругой, М. Салганик).

4 апреля.

12.30 — поездка на дачу к поэтессе Б. Ахмадуллиной. (Сопровождал А.К. Симонов).

5 апреля.

12.00 — завтрак в Посольстве США.

15.00 — встреча с поэтом Е.М. Винокуровым в ЦДЛ.

18.00 — беседа с поэтессой М.И. Алигер в домашней обстановке.

21.00 — в гостях у Л.Ю. Брик.

6 апреля.

11.30 — встреча с А. Есениным-Вольпиным (по собственной инициативе).

15.30 — беседа с зам. председателя Инокомиссии СП СССР И.Ф. Огородниковой.

17.30 — прощальная встреча с Е.А. Евтушенко, В. Аксеновым, И.Ф. Огородниковой.

23.35 — отъезд в Варшаву с Белорусского вокзала. Провожали: Е.А. Евтушенко, В. Аксенов, А. Есенин-Вольпин, сопровождающая Н.Е. Боровская.

Черновой вариант плана пребывания А. Гинзберга в СССР

29.03, понедельник.

Приезд из Ленинграда.

11.00 — Антимиры

19.00 — Посещение кафе «Молодежное».

30.03, вторник.

10.00 — Вутман (проф.) Ин-т Гнесиных.

16.00 — встреча с активом в ЦДЛ (Малый зал).

Вечером — Большой театр — «Лауренсия».

31.03, среда.

Посещение Новодевичьего кладбища.

14.00 — встреча с А. Сергеевым.

18.00 — встреча со студийцами.

1.04, четверг — посещение литобъединения при Дворце Культуры завода им. Лихачева.

2.04, пятница.

10.00–11.00 — посещение Института психологии

14.00 — обед у Рождественского дома.

3.04, суббота — поездка в Ясную поляну.

4.04, воскресенье — свободный день.

5.04.

Понедельник.

Отъезд на Родину.

РГАЛИ. Ф.631. Оп. 26. Ед. хр. 4246. Л. 9–12, 15. Маш. коп. Документ на рус. яз. Фрагмент (с 29 марта по 5 апреля) альтернативного плана сохранился на листе 15 данного документа. Вероятно, представленная на листах 9–12 версия является финальной.

¹ Владимир Дмитриевич Савицкий (1922–2009) — советский писатель, переводчик, литературный критик.

² В начале 60-х в крупных советских городах появилось новое явление в сфере общепита: молодежные кафе с демократичной обстановкой, музыкой, выставками фотографий. Первое такое заведение — кафе «Молодежное» в Москве — открылось в 1961 г. на улице Горького (ныне — Тверская).

³ Беседа, очевидно, проходила не в формате интервью — о пребывании Гинзберга в Советском Союзе вышла лишь одна короткая заметка в «Литературной газете» (13 апреля 1965 г. С. 4):

В качестве гостя Союза писателей СССР в Москве находился американский поэт Аллен Гинзберг. Наибольшую известность в США и за их пределами получил небольшой сборник стихов Гинзберга «Вопль» и другие стихотворения» (1955 год). В этих стихах выражен протест обществу, толкающему молодых американцев на путь самоубийства и преступлений. Отдельные стихи А. Гинзберга публиковались в нашей периодической печати.

4

Характеристика Аллена Гинзберга

9 марта 1965 г.

Аллен Гинзберг — известный американский поэт, ведущий представитель так называемого «поколения битников».

Родился 3 июня 1926 года в городе Нью-Йорке, штат Нью-Йорк (родители: мать — эмигрантка из России, являвшаяся в 30-х годах членом компартии США; отец — школьный учитель, увлекавшийся поэзией).

До 17 лет Аллен Гинзберг учился в средней школе г. Паттерсона, затем был студентом колумбийского колледжа. Служил в торговом флоте. Сменил множество разнообразных профессий — от судомойки в ресторане до рецензента в газете.

Много путешествовал: совершил поездку по Антарктике, был в Тегеране, Венеции, Париже, Лондоне, Греции, Индии, в странах Латинской Америки, в частности на Кубе.

Наибольшую известность в США и за их пределами получил небольшой сборник стихов Гинзберга «Вопль и другие стихотворения» (1955 год), в котором выражен протест обществу, толкающему молодых американцев на путь самоубийства, наркомании, гомосексуализма.

Стихи А. Гинзберга включаются в антологии современной американской поэзии и переводятся за рубежом.

(Отдельные стихи А. Гинзберга публиковались в нашей периодической печати).

Отрицая существующий порядок вещей в окружающем его мире, Гинзберг так же, как и многие другие американские писатели своего поколения, не находит в современной жизни положительных идеалов. Отсюда — крайний нигилизм, отрицание роли разума, обращение к инстинктивному восприятию действительности, уход в мир абстрактной религии, наиболее совершенным выражением которой для битников является Зен-Буддизм. Позитивными сторонами творчества Гинзберга следует считать его выступления против войны и расовой сегрегации.

В настоящее время А. Гинзберг находится в Чехословакии в качестве гостя СП Чехословакии, откуда в СП СССР поступила его просьба о приглашении в Советский Союз.

Ф. Лурье, консультант по литературе США
Инокомиссии СП СССР.

РГАЛИ. Ф.631. Оп. 26. Ед. хр. 4246. Л. 13–14. Документ на рус. яз. Маш. коп.

5

О программе пребывания А. Гинзберга в СССР (из стенограммы совещания Инокомиссии СП)

А. Гинзберг: с 30 марта по 5 апреля.

По возвращении из Ленинграда в программу представляется целесообразным включить ряд мероприятий, направленных на знакомство А. Гинзберга с литературной и театральной жизнью нашей страны, а также, принимая во внимание его личные пожелания, включить в программу некоторые мероприятия, отвечающие его личным интересам: посещение психиатрической клиники (встреча и беседа

с врачами, знакомство с постановкой дела в области излечения психических заболеваний).

Провести в Малом зале ЦДЛ вечер, посвященный поэзии А. Гинзберга (чтение стихов), ответы на вопросы. Пригласить на этот вечер актив критиков, переводчиков-американистов, а также некоторых студентов и аспирантов, занимающихся современной американской литературой. Организовать посещение А. Гинзбергом одного из семинаров литобъединения при рабочем Дворце культуры... [обрыв документа].

Провести в журнале «Юность» встречу А. Гинзберга с молодыми советскими поэтами (актив журнала) при участии редактора журнала Б. Полевого (пригласить на эту встречу поэтов интересных биографий и профессий).

Организовать посещение А. Гинзбергом ~~Балетного училища~~ (при РАБТ) Муз. институт им. Гнесиных.

Встреча А. Гинзберга со студийцами студенческого театра при МГУ (просмотр программы, беседа со студийцами о работе театра).

Посещение кафе «Молодежное» (по приглашению одного из советских поэтов, который будет в этот вечер читать там стихи).

Посещение театра драмы и комедии — спектакль «Антимиры» — стихи А. Вознесенского, встреча и беседа с поэтом А. Вознесенским по инициативе Гинзберга (29 марта). Утро.

Кроме поэтов, с которыми Гинзберг встречается по личной инициативе (Евтушенко, Вознесенский), организовать для него встречи с поэтами Е. Винокуровым, Р. Казаковой, Е. Исаевым, ~~В. Бекевым~~, А. Сергеевым (переводчик современной американской поэзии).

Вышеуказанные мероприятия можно будет организовывать и проводить исходя из срока пребывания А. Гинзберга в Советском Союзе (он твердо рассчитывает продлить этот срок либо по линии Союза писателей, либо за свой счет, по линии Интуриста).

Из современных театральных спектаклей провести посещение Гинзбергом театра «Современник», и московского театра Драмы и Комедии «Добрый человек из Сезуана».

6

Аллен Гинзберг — Елене Романовой и Фриде Лурье

April 12, 1965.

Dear Elena and Frida,

I am here in Warsaw — very lovely city, the people very hospitable. I'll stay several weeks, then back to Prague.

My stay in Moscow was excellent — I saw all the people I wanted to. Fortunately I had lots of time with Yevtushenko, unfortunately, not enough time with Voznesensky. He said he might be here in Warsaw the 19th of this month, so I hope we'll meet again. I'll stay and make a television broadcast here tomorrow, and read poetry at the University the day after — then relax or see people.

I did fortunately manage to meet Yesenin-Volpin on my last day in Moscow. He is very intelligent and not at all crazy, or “mentally disturbed”. He is a very likeable man, a good man, concerned mostly with problems of elementary logic, on a professional level.

Thank you for your help and advice while I was there. I did my best to adjust my outlook to your own and not embarrass myself or you while I was there.

I came to no particular conclusions except that it's best for everybody to relax and not force their opinions on each other, nobody really knows anything objectively “true”, abstractly. We only can know our own experience and try to share that. Well this doesn't make much sense so forget it.

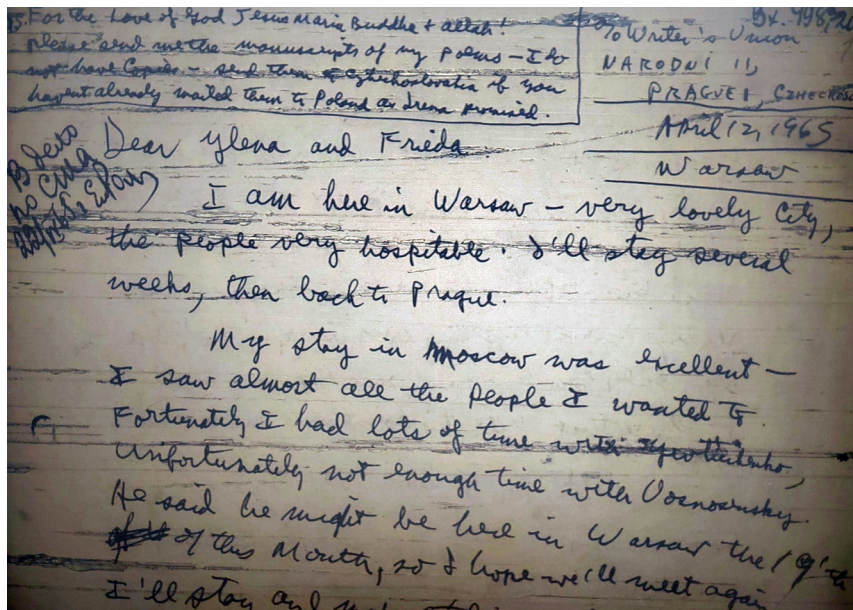
I'll try to arrange to come back for a longer stay, probably with Peter Orlovsky. Think on the problem, and I will work on it from my end. It's not a bad idea, + we might make up a good anthology of Soviet poetry.

From here I'll go to Prague; then perhaps Budapest, then stop over at East+West Berlin for a week or so. Then London and home. Love to Nina and Irena. I'll send books.

Regards to K. Simonov.

I wrote a long poem in the Arrow.

P.S. For the love of God Jesus Maria Buddha + allah! Please send me the manuscripts of my poems — I do not have copies — send them to Czechoslovakia if you haven't already mailed them to Poland at [hp36].

А. Гинзберг — Е. Романовой и Ф. Лурье. 12 апреля 1965 г.
РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4261.

ПЕРЕВОД:

12 апреля 1965 г.

Дорогие Елена и Фрида,

Я сейчас в Варшаве, — это очень милый город, люди очень гостеприимные. Я пробуду здесь несколько недель, затем вернусь в Прагу.

Мое пребывание в Москве было превосходным — я увидел всех, кого хотел. К счастью, я провел много времени с Евтушенко, но, к сожалению, мало времени с Вознесенским. Он сказал, что, возможно, будет здесь, в Варшаве, 19-го числа, так что надеюсь, мы встретимся снова. Завтра я проведу здесь телевизионную передачу, послезавтра прочту стихи в университете, а потом отдохну или пообщаюсь с людьми.

Мне, к счастью, удалось встретить Есенина-Вольпина в мой последний день в Москве. Он очень умен и вовсе не сумасшедший или «психически неуравновешенный». Он очень симпатичный человек, хороший человек, озабоченный в основном проблемами элементарной логики — на профессиональном уровне.

Спасибо вам за вашу помощь и советы, пока я был там. Я делал все возможное, чтобы приблизить мое мировоззрение к вашему, и не ставить в неловкое положение ни себя, ни вас, пока я был там.

Я не пришел к каким-то определенным выводам, кроме того, что для всех лучше расслабиться и не навязывать друг другу свои мнения, никто на самом деле не владеет «объективной истиной», это абстракция. Мы можем знать только наш собственный опыт и пытаться делиться им. Ну, это все неважно, так что забудьте.

Я постараюсь вернуться к вам на более длительный срок, возможно, с Питером Орловски. Подумайте об этом деле, и я буду работать над ним со своей стороны. Это неплохая идея, + мы могли бы составить хорошую антологию советской поэзии¹.

Отсюда я поеду в Прагу; затем, возможно, в Будапешт, затем сделаю остановку в Восточном + Западном Берлине² на неделю или около того. Затем в Лондон и домой. Передавайте привет Нине и Ирине. Я пришлю книги.

Привет К. Симонову.

Я написал длинную поэму в «Стреле»³.

P.S. Во имя Господа Иисуса, Марии, Будды + Аллаха! Пожалуйста, пришлите мне рукописи моих стихов — у меня нет копий — отправьте их в Чехословакию, если вы еще не отправили их в Польшу по адресу [нрзб.].

РГАЛИ. Ф.631. Оп. 26. Ед. хр. 4261. Л. 1. Автограф. На англ. яз. Перевод мой.

¹ Проект антологии так и не был реализован, однако интерес Гинзберга к русской поэзии не ослабевал до конца его жизни. См., напр.: Lauridsen, I.T., and P. Dalgard *The Beat Generation and the Russian New Wave*. Ann Arbor: Ardis, 1990: 23–36.

² Судя по биографическим данным, поездка в Германию не состоялась.

³ «Красная стрела» — первый в истории СССР фирменный поезд, курсирующий между Москвой и Ленинградом. Вероятно, именно на этом поезде Гинзберг возвращался из Северной столицы после своих неудачных поисков информации о Бродском, и в этом ночном рейсе написал стихотворение о Ленинграде. См.: Ginsberg, Allen. *Iron Curtain Journals: January–May 1965*, edited by M. Shumacher. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2018: 202–203.